

Наталья
Александрова

Наталья Александрова

Зелье сатаны

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Оформление *Анастасии Орловой*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Ранее книга издавалась под названием «Завещание алхимика»

Александрова, Наталья.

А46 Зелье сатаны : [роман] / Наталья Александрова. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Роковой артефакт).

ISBN 978-5-17-982566-1

Уроборос мистагитус — может быть, самый древний и могущественный на земле артефакт. Говорят, что первый уроборос изготовил сам сатана, вложив в него древнюю магию и черную злобу своего сердца. Потом его ученики и слуги создали еще несколько таких артефактов, и каждый из них обладает удивительной властью — возвращает молодость своему владельцу.

Что это — мистика? Предрассудки? Или что-то более таинственное и необъяснимое?

Ключ к разгадке тайны скрыт в старинном полотне неизвестного итальянского мастера, над воссозданием которого работает питерский реставратор Дмитрий Старыгин. Пытаясь проникнуть в тайну, он пускается по следу одного из верных слуг сатаны.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-982566-1

© Н. Александрова, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

До революции модная петербургская публика в хорошую погоду прогуливалась непременно по *солнечной стороне* Невского проспекта — то есть по правой его стороне, если смотреть от Лавры в сторону Адмиралтейства, по той стороне, что напротив Гостиного Двора и Казанского собора.

Давно уже нет на свете тех дореволюционных франтов, как мотыльки сгоревших в огне войн и революций, но теперешняя модная публика неосознанно предпочитает ту же *солнечную сторону*. Видимо, в этом проявляется историческая память, или преемственность поколений, или же просто солнце так редко гостит в нашем городе, что жители невольно ловят каждый его луч. При этом кто-то непременно задерживается на пяточке вблизи Малого зала Филармонии, где расположились многочисленные художники, выставившие на продажу свои незамысловатые творения.

Некоторые уличные мастера кисти и карандаша предлагают прохожим за пятнадцать минут написать портрет (сходство гарантируется!), другие пытаются продать туристам глянцевые ученические пейзажи с изображением Смольного собора или Спаса на Крови. Кто-то промышляет посредственными копиями классики — от «Блудного сына» Рембрандта до «Голубых танцовщиц» Дега. Более поздние про-

изведения художников двадцатого века спросом не пользуются.

Одним прекрасным летним днем на этом пятачке по *солнечной стороне* среди таких же «живописцев с большой дороги» стоял коренастый мужчина лет сорока пяти, с артистической остроконечной бородкой и лихо закрученными усами, в заломленном на левое ухо несколько потертом берете и в поношенном бархатном пиджаке. Он безуспешно пытался продать пару натюрмортов и портрет красивой охотничьей собаки, но покупателей на эти произведения не находилось. Впрочем, художник не очень расстраивался: погода была хорошая, и он вел неспешный разговор с коллегой, подставив лицо солнцу.

— Нет, Виталя, — говорил он своему соседу, мрачному долговязому типу в кожаной безрукавке, — ты как хочешь, но падение культурного уровня общества коренится не только в телевидении, но и в готовности людей искусства торговать своим талантом! Вот, например, мы с тобой, вместо того чтобы создавать бессмертные шедевры, малюем в угоду публике этот ширпотреб... — С этими словами он ткнул пальцем в картину Витали, где были изображены два помойных кота, изготовившихся к битве.

— Мы-то малюем, — тяжело вздохнул Виталя, — да вот публика что-то не спешит покупать этот, как ты выразился, ширпотреб...

— А вот это-то, Виталя, и есть главная трагедия человека искусства! — воскликнул обладатель бородки. — Он готов торговать талантом, а покупателей-то и нет...

Он хотел развить свою мысль, но тут как раз появился долгожданный покупатель. По крайней мере, остановившийся возле художника мужчина выглядел вполне обеспеченным. Причем с отпечатком заграницы. Хотя в наше время соотечественник может быть куда богаче любого иностранца, но иностранцы,

как правило, охотнее покупают картины уличных художников.

— Вас что-то интересует? — оживился художник. — Пейзаж? Натюрморт? Портрет? Если натюрморт — это двести баксов, если пейзаж — двести пятьдесят, а если портрет...

— Интерьер, — ответил незнакомец без всякого акцента, — то есть картина, изображающая комнату со всей обстановкой...

— Я знаю, что такое интерьер! — слегка обиделся художник. — Но у меня, к сожалению, сейчас нет ни одного законченного. Был один, да я его только вчера продал одному нефтянику из Тюмени...

Разумеется, это являлось ложью, но ложью вполне простительной. Как известно, главное правило торговли — не обманешь, не продашь.

— Меня не интересует готовый интерьер! — прервал его незнакомец. — Мне нужно, чтобы вы нарисовали мою комнату. Это здесь, неподалеку, на Мойке...

— Ну что ж. — Художник солидно кивнул. — Значит, на заказ? Можно и на заказ, только, уважаемый, это будет немножко дороже...

— Цена не имеет значения! — Заказчик пренебрежительно махнул рукой. — Пойдемте со мной, я покажу вам свою комнату...

— Одного сеанса не хватит! — предупредил его художник.

Затем он повернулся к соседу и сказал:

— Ну, Виталя, ты все равно тут стоишь, пригляди за моими работами. А я часа через два вернусь...

Заказчик уже шагал вперед, не оглядываясь, так что художнику пришлось изрядно поднажать, чтобы не упустить его из виду. Вскоре он понял, что незнакомец, которого он сперва принял за иностранца, настоящий старожил Петербурга. Свернув в один из близлежащих дворов, он уверенно шел по их ла-

биринту, то и дело сворачивая и меняя направление, так что скоро художник понял, что окончательно заблудился.

Вначале дворы были чистые и нарядные, недавно вымощенные тротуарной плиткой. Повсюду стояли стильные кованые фонари и скамейки, а кое-где даже разбиты цветники. Однако вскоре благолепие кончилось и начались дворы самые обыкновенные, в меру грязные, в меру запущенные, покрытые растрескавшимся асфальтом и лишенные таких архитектурных излишеств, как скамейки и фонари. Наконец пошли уже такие дворы, которые и дворами-то назвать язык не поворачивался — жуткие колодцы без всякого асфальта, заросшие чахлой травой и заваленные строительным мусором.

— Эй, уважаемый! — окликнул художник своего проводника. — Куда это мы идем? Далеко еще? Вы же говорили, что ваша квартира на Мойке!

— Скоро уже дойдем! — отозвался незнакомец каким-то странным голосом, как будто он говорил из железной бочки или из гулкого сводчатого подземелья.

У художника вдруг возникло странное ощущение, что он оказался уже не просто в лабиринте незнакомых дворов, а вообще в чужом городе или даже в чужом, незнакомом времени. Ему вдруг помечталось, что на дворе стоит не двадцать первый век, и даже не двадцатый, а конец девятнадцатого...

— Куда это мы забрели... — проговорил он с опаской, не обращаясь к своему странному спутнику, а как бы разговаривая с самим собой. — Я здесь и не был никогда...

Ему уже совсем расхотелось получить выгодный заказ. Он предпочел бы сейчас стоять на *солнечной стороне* Невского и рассуждать с Виталей на тему культурной деградации общества.

— Уже совсем скоро, Михаил Леонидович! — отозвался его провожатый, замедляя шаги и покосившись на художника.

«Откуда он знает мое имя? — подумал тот удивленно. — Я же его, кажется, не называл... или Виталья назвал меня при нем? Так не по отчеству же!»

Они вошли в очередной двор. Справа была крутая выщербленная лестница, ведущая вниз, в глубину, к темной подвальной двери, и Михаилу Леонидовичу показалось, что в темноте перед этой дверью лежит неживое скорченное тело. Он не стал проверять свою неприятную догадку, а взглянул прямо перед собой.

Впереди высилась полуразрушенная кирпичная стена, перегораживающая проход. Дальше пути не было.

— Куда же теперь? — испуганно произнес художник. — Никак заблудились!

— А теперь уже пришли, — ответил ему незнакомец, и на лице его появилась нехорошая улыбка. — Вы-то уж точно пришли, Михаил Леонидович!

— Да что вам надо? — Художник попятился и завертел головой в поисках выхода. Выхода, однако, не наблюдалось.

Незнакомец тем временем приблизился к нему мягкой опасной походкой и запустил правую руку в карман. Отчего-то художнику стало дурно, под ложечкой у него противно засосало.

— Вы что, думаете — у меня деньги есть? — проговорил он, неловко отступая. — Думаете, я и вправду нефтянику картину продал? Пошутил я! Если бы я, уважаемый, взаправду срубил денег, не стоял бы я на Невском, а уехал бы на этюды, на остров Валаам или на Соловки! Там в эту пору такая красота...

Он думал отвлечь незнакомца разговором и улизнуть от него. Однако, когда он резко развернулся и бросился наутек, опасный незнакомец каким-то непостижимым образом оказался у него на пути. Те-

перь рука его была не в кармане, а сбоку, занесенная для удара. И в этой руке что-то страшно и тошнотворно блестело.

— Куда же вы, Михаил Леонидович? — проговорил незнакомец вполголоса и обхватил художника свободной рукой, как будто встретил своего лучшего друга. — Куда же вы так спешите? Некуда вам спешить!

Он коротко взмахнул правой рукой, и что-то острое вошло под ребра художнику. Незнакомец прижал его к себе еще теснее в этом смертельном объятии, и Михаил Леонидович ощутил страшный холод, который растекался по всему телу, подбираясь к самому сердцу.

— Вот так, вот так! — заботливо проговорил убийца и медленно повел художника к подвальной лестнице. — Вот так, хорошо... потерпите еще немножко, совсем немножко... скоро все кончится!

И он не обманул: все и впрямь очень скоро кончилось, и Михаила Леонидовича приняла огромная уютная тьма небытия. Только в самый последний миг он успел понять за что...

Убийца подтащил обмякшее тело к лестнице и толкнул его вниз.

Потом осмотрел свою одежду.

Каким-то удивительным образом он сумел не испачкаться в крови.

Удовлетворенно улыбнувшись, убийца отряхнул пиджак и направился в обратный путь — на *солнечную сторону* Невского.

Великий австрийский композитор Йозеф Гайдн, прежде чем приступить к сочинению музыки, непременно надевал парадный камзол и пудренный парик, как будто направлялся на прием к высокопоставленной особе. Он говорил, что музыка — самая высокопоставленная особа в мире и встреча с ней должна

быть не менее торжественной, чем прием у короля или императора.

Реставратор и искусствовед с мировым именем Дмитрий Старыгин относился к своей работе с неменьшим почтением, однако, прежде чем приступить к реставрации очередного шедевра, облачался не в парадный костюм, а в потертую рабочую куртку в застарелых пятнах краски. Дело здесь не в меньшем уважении, а в том, что работа реставратора, в отличие от сочинения музыки, довольно грязная, мастеру приходится иметь дело с красками и растворителями, с пыльными холстами и изъеденными жучком старыми досками.

Переодевшись в рабочую одежду, Дмитрий Алексеевич снял покрывало из небеленого холста, которое закрывало картину, со вчерашнего дня стоявшую на мольберте у него в рабочем кабинете. Эта картина поступила в Эрмитаж несколько лет назад из частного собрания, и теперь, наконец, попала в руки Старыгина.

Картина была небольшая и настолько потемнела от времени, что только при очень ярком освещении просматривались детали. В центре холста изображалась группа людей, по всей видимости, от кого-то убегающих. Справа, в том направлении, куда бежали эти люди, смутно проступало какое-то темное пятно — то ли гранитная скала, то ли мрачная каменная постройка.

Старыгин начал с того, что прошелся по картине ватным тампоном, смоченным в растворителе, который снимал многолетние наслоения жира и копоти, не повредив красочный слой. Работа эта была кропотливая, но довольно простая. Он осторожно протирал картину сантиметр за сантиметром, начиная с правого верхнего угла.

Под умелыми руками реставратора постепенно проступили тяжелые мрачные облака, дальние

холмы с темными купа́ми дере́вьев, среди которых виднелась ветряная мельница. Спустившись ниже, Дмитрий Алексеевич приступил к очистке смутного пятна, которое он сначала принял за скалу. Теперь, сняв слой копоти, он понял, что каменная громада представляет собой мрачную башню, увенчанную квадратными зубцами и неровными отверстиями бойниц. В башне были открытые ворота, которые как бы поджидали бегущих людей.

Старыгин продолжил расчистку холста и вскоре разглядел более мелкие подробности.

Над открытыми воротами виднелся каменный щит, разделенный надвое наклонной полосой. В одной части щита был изображен геральдический орел, в другой — рука, сжимающая короткий меч.

Дмитрий Алексеевич порадовался тому, что живописный слой в этой части хорошо сохранился, его достаточно будет немного оживить и заново покрыть специальным лаком.

Теперь он перешел к центральной части холста, к тому месту, где изображались бегущие люди.

Здесь повреждений оказалось больше. Ему, однако, удалось разглядеть костюмы людей. Среди них был и простолудин в бедной поношенной одежде, и монах в грубой, подпоясанной веревкой рясе, и знатный вельможа в расшитом золотом камзоле, и дама в длинном бархатном платье... Объединяло их только одно — стремительный бег к распахнутым воротам башни и ужас, с которым они оглядывались на нечто, неумолимо настигавшее их, движущееся за ними по пятам...

Однако в левой части картины, за спинами бегущих, не было ничего, кроме мощенной камнем дороги да кустов по ее сторонам.

Старыгин задумался.

Отчасти картина напоминала известный средневековый сюжет, так называемую Пляску Смерти.

В средневековой Европе создавалось множество таких картин, символизовавших тщету земных надежд и устремлений и равенство людей перед лицом неизбежного конца.

Обычно на этих картинах изображали хоровод, в котором, дружно взявшись за руки, танцевали люди разных сословий — крестьяне и купцы, дворяне и священники, епископы и короли. Танцоров держал за руки танцующий, ухмыляющийся скелет, костлявой рукой ведущий человека в бесконечном танце к единственной общей цели — к могиле...

Одной из самых известных картин с таким сюжетом была Пляска Смерти в церкви на старинном парижском кладбище Невинно Убиенных Младенцев. Однако до наших дней эта картина не сохранилась, как и само кладбище.

Прекрасно сохранившаяся Пляска Смерти есть сейчас в Эстонии, в таллинском соборе Нигулисте.

Впрочем, картина, которую разглядывал сейчас Дмитрий Алексеевич, заметно отличалась от Пляски Смерти — здесь не было скелетов, и люди не танцевали в бесконечном бессмысленном хороводе, а в ужасе от кого-то убегали...

От кого же?

При этой мысли Старьгин почувствовал какое-то странное беспокойство. Ему вдруг показалось, что от ответа на этот вопрос многое зависит, в том числе и для него самого...

Дмитрий Алексеевич почувствовал легкое головокружение, стены кабинета поплыли перед ним, однако он быстро справился с дурнотой, на мгновение прикрыв глаза.

Видимо, подумал он, всему виной духота в мастерской и резкий запах растворителя. Впрочем, с этим он ничего не мог поделать: старые картины бояться сквозняков и перемены температуры.

Старыгин взглянул на часы и с удивлением увидел, что рабочий день подходит к концу. Он поработал бы еще, но в последнее время служба безопасности Эрмитажа не разрешала сотрудникам надолго задерживаться на рабочих местах, опасаясь краж музейных экспонатов. Кроме того, сегодня Дмитрий Алексеевич спешил: его пригласили на вернисаж в одну из крупных художественных галерей.

«Опоздаю, ох опоздаю к началу! — сокрушался Дмитрий Алексеевич, тоскливо созерцая огромную пробку, растянувшуюся на набережной Фонтанки. — Как неудобно, Лешка обидится... надо было выехать пораньше...»

Лешка, то есть Алексей Топорков, конечно, не обиделся бы на своего старинного приятеля. А они были знакомы бог знает сколько лет, с самой юности. Просто сегодня у Алексея особенный, торжественный день — в художественной галерее «Гиперборей», что на набережной реки Фонтанки, открывается его очередная персональная выставка. И Старыгину очень бы хотелось попасть к началу. Хотя и не любил он все эти торжественные речи, речи и тосты, но на открытие выставки приедет телевидение, и для Алексея будет полезно, если он, Дмитрий Старыгин, реставратор и искусствовед с мировым именем, произнесет вступительное слово и со знанием дела похвалит его картины. Тем более что и душой кривить не надо, Алексей — действительно замечательный художник, Старыгину его работы очень нравятся, а лишняя реклама никому не повредит, авось Алексею какой-нибудь выгодный заказ перепадет. Или кто-нибудь картины купит...

«Видно, не суждено сегодня на открытие попасть, — уныло констатировал Старыгин, — набережная Фонтанки — это просто ужас какой-то! В любой час суток здесь огромные пробки! А как иначе в галерею проехать?..»

Водители соседних машин уже и нервничать перестали. Кто-то мирно подремывал, кто-то читал газету, один мужчина — молодежавый, с аккуратно подстриженными усами — в упоении слушал классическую музыку. Великий тенор Лучано Паваротти пел свою знаменитую арию из «Тоски». На лице водителя отражалось явственное наслаждение. С другой стороны мордастый тип глядел из окна красного «лексуса» на проходящих женщин с неменьшим удовольствием. Старыгин невольно усмехнулся, посмотреть, конечно, было на что.

Конец июня, в городе чудесная погода, и глаз радуют яркие наряды и загорелые стройные ножки.

Он поглядел на часы — так и есть, опоздал. На вернисаже обещал появиться какой-то важный чиновник из Комитета по культуре, так что задерживать открытие не станут, начнут вовремя. Вот если только телевизионщики тоже в пробке стоят... Но надеяться на такое значило бы сильно переоценивать силы судьбы и собственное везение. Неудобно как перед Лешкой...

Вот, тронулись, кажется... Любитель классической музыки очнулся и вырулил в ближайший переулок, Старыгин от отчаяния рванул за ним. Они ловко проскочили проходной двор, железные ворота которого были, можно сказать, открыты настежь. Их проржавевшие створки даже не висели на петлях, а стояли просто так, аккуратно прислоненные к стене, так что Дмитрий Алексеевич невольно вспомнил незабвенного фонвизинского Митрофанушку, с его бессмертной классификацией дверей. Выходило, что эти ворота не прилагательные, а существительные, ибо по Митрофанушкиной классификации они существовали сами по себе, а не прилагались к стене.

Любитель оперы подмигнул на прощание задними фонарями и проехал вперед. Теперь у него в салоне пела Чечилия Бартолли. Кажется, из «Нормы»...